

Глава 2
РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
Оборонцы. — Пораженцы.

§ 1. Оборонцы.

Тесное сотрудничество между «буржуазным» патриотическим руководством общественных организаций и меньшевиками и эсерами, работавшими в военно-промышленных комитетах, стало возможно благодаря общей задаче — потрясти основы империи. Это был тактический союз, который вряд ли мог скрыть различие конечных целей. Такие люди, как Гучков и Коновалов, надеялись, что, расшатывая правительство и дискредитируя царя, они смогут добиться конституционных уступок; рабочие, со своей стороны, надеялись открыть шлюзы революции. Сотрудничество между революционерами-оборонцами и либеральными реформистами было открытым и признанным, но и молчаливое, скрытое соглашение между революционерами-пораженцами, или «тайными пораженцами», и общественными организациями тоже можно проследить. Несмотря на яростность большевистских нападков на рабочие группы и на рабочих военной промышленности, товарищеская связь в форме объединенных большевистско-меньшевистских рабочих комитетов в ряде промышленных центров все еще существовала. Через эти каналы рабочим-революционерам давалась возможность укрыться от воинской повинности. Они входили в общественные организации и занимали должности, которые избавляли их от набора. Впоследствии апологеты общественных организаций пытались отрицать такую практику. Но в ранних мемуарах революционеров часто упоминается использование этого метода избежать службы в армии¹. Даже Молотов (под своим настоящим именем — В.М. Скрябин) служил некоторое время в Союзе городов в Москве до ареста в июне 1915 г.² В общественных организациях работали и другие большевики, как бы занявшие оборонческую позицию. Они по праву могли впоследствии утверждать, что борьба с самодержавием занимала их гораздо больше, чем организация снабжения армии. Это несомненно верно в отношении Н. Иорданского, постоянного сотрудника бюллетеня, издававшегося объединенным комитетом Союза земств и городов.

Деятельность небольших групп большевиков и других революционных пораженцев среди рабочих масс России надо рассматривать на фоне нового положения в промышленности, создавшегося в результате развала порядка мирного времени и образования общественных организаций, особенно военно-промышленных комитетов.

Это новое положение давало такие возможности, что традиционные методы массовой агитации, которыми пользовались революционеры, — как выпуск прокламаций, подобных пресловутой резолюции о войне, опубликованной в Швейцарии в № 33 ленинской газеты «Социал-Демократ», — стали казаться мало эффективными.

Эсеры первые поняли, что лучший способ послужить делу революции во время войны состоит не в эксплуатации предполагаемых антивоенных настроений — эти настроения существовали главным образом в воображении нескольких революционных догматиков и нисколько не подтверждались стихийными патриотическими и монархическими демонстрациями в начале войны, — а в проникновении в администрацию военного времени, укреплении ее и использовании в качестве «теневое» правительства в момент конечного расчета, перед демобилизацией армии.

Характерна для такой позиции была, например, резолюция группы самарских эсеров:³

- 1) Считаясь с фактом войны, общее наше отношение к которой может быть только отрицательным, и принимая во внимание, что та политика милитаризма и империализма, в корне противоречащая интересам демократии, которую многие годы вела Германия и следствием которой явилась настоящая война, только укрепитя и усилится, если Германия выйдет победительницей из этой войны, — определенно желая победы коалиции над Германией, в настоящий момент воздерживаемся от всяких выступлений, могущих ослабить силу сопротивления России.
- 2) Уверенные в том, что в случае победы наше правительство использует все возможности, чтобы через это укрепить свое положение, и что тот общественный подъем, какой замечается в связи с текущими событиями, не вылившись в революционные формы, в лучшем случае может побудить его лишь к незначительным уступкам, ничего не дающим демократии, — мы должны, учитывая настроение страны, приложить все свои усилия к тому, чтобы по окончании войны, — а при благоприятных обстоятельствах и раньше, — вызвать революционное движение характера вооруженного восстания и всеобщей забастовки, подготовка к которому народных масс и армии является задачей данного момента и определяет нашу тактику.

Те же мысли были гораздо более грамотно выражены в манифесте, выпущенном в сентябре 1915 года совещанием социалистов-оборонцев за границей (включая социал-демократов, последователей Плеханова, и эсеров), утверждавших, что победа

Германии приведет к вырождению и разложению значительной части русских рабочих⁴. В манифесте подчеркивается опасность недостатка интереса со стороны рабочего класса к исходу войны, что тождественно политическому самоубийству. Те, кто желает поражения России вследствие ненависти к царскому режиму, смешивают правительство с отечеством. «Россия принадлежит не царю, а русскому рабочему народу. Защищая Россию, рабочий народ защищает самого себя и дело своего освобождения».

Далее манифест обвиняет русских реакционеров в том, что по отношению к Германии они заняли позицию примирения, повторяя при этом слухи, согласно которым «недавно отставленные министры Маклаков и Щегловитов еще в ноябре прошлого года подавали царю докладную записку, в которой объясняли выгоды заключения мира с Германией»⁵.

Переходя к библейскому стилю, составители манифеста убеждают рабочий класс:

Вашим лозунгом должна быть победа над внешним врагом... Повинуясь указанному лозунгу, вы должны быть мудры, как змии... Всякое революционное «вспышкопускательство» в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу и сильно облегчило бы положение врага внутреннего, плодя недоразумения и рознь между вооруженной силой России с одной стороны и передовой частью ее населения — с другой... Если передовые элементы нашего населения откажутся принимать участие в обороне России вплоть до того времени, когда падет наше нынешнее правительство, то они тем самым отдалают время его падения.

Манифест также предостерегает против тактики «все или ничего» и утверждает, что германский генеральный штаб хотел бы, чтобы революционеры приняли этот лозунг и оказали поддержку проповедникам его в России. Германскому генеральному штабу «нужны беспорядки в России, ему нужны стачки в Англии, ему нужно все то, что облегчает осуществление его завоевательных планов. Но вы не захотите его обрадовать». Наконец, в манифесте подчеркивается важность работы в учреждениях, которые, под нажимом общественного мнения, создаются теперь для борьбы с внешним врагом⁶.

Чем прочнее утвердятся они в таких учреждениях, тем легче им будет также вести борьбу за избавление России от ее внутреннего врага. Ваши представители должны по возможности принимать участие в работе не только

специальных технических учреждений (военно-промышленных комитетов и пр.), которые создаются для обслуживания нужд армии, но и всех других организаций общественного и политического характера: органов сельского самоуправления, деревенских кооперативов, рабочих союзов и больничных касс, земских и городских учреждений и Государственной Думы... К свободе нам нельзя прийти иначе, как идя по пути национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: «сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего». Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности.⁷

Манифест оборонцев можно рассматривать как исходную позицию тех рабочих организаций, которые участвовали в координации военных усилий.

Но в многословии манифеста отражаются и недостатки условного оборончества. В конце концов, ведь именно правительственный аппарат нес главную ответственность за ведение войны. Рабочим же предлагалось, с одной стороны, помогать этому аппарату, а с другой — от них требовали подрыва и разрушения его структуры. Такие нюансы легко укладывались в интеллигентском сознании, подобном плехановскому, но не могли вдохновить ни ярого революционера, ни недовольного русского рабочего. В общем рабочие-оборонцы толковали столь неясные инструкции как призыв умерить свои требования и отказаться на время войны от стачек. В этом смысле и вразумляли их социал-демократические вожди Потресов и Маевский, а также думские деятели вроде Керенского, который пользовался доверием в рабочей среде.

§ 2. Пораженцы.

Черта, отделяющая оборонцев от пораженцев, не совпадает с чертой, отделяющей большевиков от меньшевиков или правых эсеров от левых. Некоторые меньшевики следовали Мартову в его интернационалистской, пораженческой позиции; некоторые эсеры в России пытались организовать как противники войны. С другой стороны, некоторые большевики за границей (например, Алексинский) и в России (например, Н.Д. Соколов) присоединились к оборонцам. Менялось также и отношение большевистского руководства к революционному выступлению. Если в 1916 году петербургский комитет большевиков призывал рабочих к демонстрациям и снабжал их оружием, то накануне Февральской революции — у нас имеются убедительные

доказательства — лидеры большевиков в Петрограде были гораздо более осторожны. Они, казалось, были одурачены своей собственной пропагандой и пропагандой либералов. Они полагали, что министр внутренних дел Протопопов пойдет по стопам своего предшественника Дурново, который занимал этот пост в 1905–1906 гг., и выманит революцию на улицу, чтобы затем подавить ее с помощью армии. Они, возможно, считали также, что в связи с приближением конца войны решительный удар по самодержавию следует отложить до начала демобилизации. Вот почему большевики отстали от Межрайонки (объединенная организация большевиков и меньшевиков в столице) почти на двадцать четыре часа в издании своего манифеста 27 февраля, когда победа петроградской революционной толпы и гарнизона стала очевидной.

Влияние немногих большевиков, продолжавших активную деятельность после вступления России в войну, было менее значительным, чем описывает официальная советская историография. Число тех, кто разделял ленинскую пораженческую позицию, сократилось вследствие арестов и высылки, призыва на военную службу и, в меньшей степени, перехода в лагерь оборонцев. За оставшимися активными группами, почти без исключения, пристально следила тайная полиция, они были пронизаны полицейскими агентами и в любой момент могли подвергнуться аресту. Из числа примерно двухсот сорока биографий и автобиографий «Деятели СССР и Октябрьской революции», опубликованных в энциклопедии Граната, примерно сорок пять человек находились в эмиграции и не принимали прямого участия в событиях в России; примерно семьдесят три человека не были активны, либо потому, что потеряли веру в успех революционной борьбы (подобно Красину), либо потому, что были высланы в Сибирь до войны (подобно Сталину) или в первые месяцы войны (подобно большевистским членам Думы и Каменеву). Из тех, кто, находясь на нелегальном положении, продолжал активную работу во время войны (всего около девяноста человек), примерно половина была в то или иное время выдана полиции и таким образом обезврежена. Многие из избежавших ареста были просто сотрудниками умеренных марксистских изданий; другие работали в революционном подполье в местах своей ссылки, не имея большого воздействия на положение в промышленных центрах.

Несколько решительных и отважных людей, подобных Молотову и Залуцкому, не отказались от борьбы даже после ареста и высылки. Они бежали, вернулись в столицы и — постоянно меняя имена и квартиры — иногда успевали организовать большевистски настроенных рабочих.

В этом отношении исключительна карьера Александра Шляпникова, большевика, активно работавшего в России. Шляпников был рабочий, что не часто встречалось среди большевистских лидеров, в качестве рабочего провел несколько лет в Западной Европе, весной 1914 года вернулся в Россию с паспортом французского гражданина Ноэта. В России работал на разных заводах и принимал участие в массовых забастовках в Петрограде, как до, так и сразу после начала войны. Он снова попал за границу, когда лидеры партии, все еще находившиеся на свободе, были арестованы в деревне Озерки (Финляндия) 4 ноября 1914 года. Петербургский комитет прилагал отчаянные усилия, чтобы организовать забастовки и демонстрации протеста, когда были арестованы, а в феврале 1915 года судимы и высланы большевистские депутаты Думы.

Рабочие массы реагировали на это событие слабо, что позволяет судить о степени тогдашнего влияния большевиков. Недостаток симпатии со стороны рабочих Шляпников ставил в вину самим арестованным депутатам:

Сам судебный процесс депутатов прошел в атмосфере неясности и колебаний. Позиция, занятая депутатами на суде, вызывала недоумения. Получалось впечатление, что депутаты вели себя не как высший ответственный пролетарский центр, а как иногда держатся провинциальные партийные комитеты. Многие сожалели, что у товарищей депутатов было мало твердости, но видели причину этого в той атмосфере террора, которой отмечается внутри страны «освободительная» миссия царизма.⁸

По приказанию петербургского комитета Шляпников уехал в сентябре 1914 года в Скандинавию, чтобы установить связь с Центральным Комитетом партии. Там он познакомился с Александрой Коллонтай, Эгерией большевистской элиты, бывшей тогда в тесной связи с Лениным и Крупской. Шляпников стал ее официальным сожителем, чем сильно укрепил свое положение в партии. Это не помешало ему вернуться в Петроград в ноябре 1915 года, чтобы вести подпольную работу. В 1915 году он стал членом ЦК. В 1916 году он во второй раз с начала войны сумел выбраться за границу в целях сбора средств в Америке. По возвращении он обнаружил, что русское бюро Центрального Комитета «частью арестовано, частью дезорганизовано». И ему «снова пришлось работать по созданию нового бюро Центрального Комитета».⁹

В воспоминаниях о революции, впоследствии написанных Шляпниковым, он, несмотря на партийную пристрастность, выказал способность судить о расстановке революционных сил умно и здраво. Но тогда, в дни подпольной работы и нелегальных

связей с жившими в эмиграции лидерами партии, личный успех вскружил ему, наверно, голову и заставил преувеличить значение большевистского подполья. В обзоре российской жизни за первые полтора года войны он писал, что, несмотря на нехватку революционной интеллигенции, подпольная работа среди рабочих не прерывалась:

Рабочие организации выдвинули своих собственных сильных пролетарских лидеров... Как и в мирное время, организационной основой подпольных рабочих организаций является завод, мастерская, фабрика... Помимо постоянных организаций нашей партии, на некоторых заводах имеются другие — не наши — нелегальные группы (эсеры, «объединенные социалисты», анархисты-коммунисты); неофициальные конференции таких групп созываются для решения проблем местного характера, возникающих главным образом из-за споров между ними самими. Отношение к войне и борьба против шовинизма и «патриотической» эксплуатации находятся в центре всей идеологической работы в промышленных центрах во всей России. Работа наших организаций в военное время требует собственного историка. Об ее грандиозных размерах можно судить по волне забастовок, непрестанно потрясающих гнилые основы царской монархии.

Однако недостаток подпольных типографий, которые не могли удовлетворить спрос на большевистскую литературу, Шляпников признает. Утверждая, тем не менее, что брошюра Ленина и Зиновьева «Война и социализм», в которой было более ста страниц, разошлась по Москве в машинописном виде и что фотографии сосланных депутатов-большевиков (тех самых, на недостойное поведение которых Шляпников сетовал выше) были проданы не менее чем в 5 000 экземпляров.

Обзор, сделанный Шляпниковым в марте 1916 года, не содержал бы столько восторга по поводу нового пролетарского руководства большевистского подполья, если бы ему было известно то, что с очевидностью выяснилось после Февральской революции, а именно — какую огромную роль играли в нелегальной революционной деятельности полицейские провокаторы и осведомители. Действительно, разные недолговечные комитеты Москвы, Петрограда и других городов печатали очень много листовок, Шляпников прав, но мы теперь знаем, что это делалось с ведома охранки. Охранка обычно давала таким организациям время, чтобы развернуться. Но как только тот или иной комитет действительно начинал работу, получал необходимую «технику» (т. е. оборудование для подпольной типографии) и приступал к печати,

появлялась полиция, арестовывала всех участников и забирала как печатное оборудование, так и запасы листовок. Иногда полиция препровождала доказательства подпольной деятельности в канцелярию государственного прокурора для возбуждения дела. Подозреваемых обвиняли либо в открытой антиправительственной агитации, заключающейся в призыве к восстанию, либо в принадлежности к нелегальной организации — российской социал-демократической партии. В военное время такие дела рассматривались окружными военными судами. В этих судах, однако, судопроизводство велось по всем правилам, с участием адвоката, они резко отличались от судов, находившихся под непосредственным контролем военных властей. В общем, приходится удивляться, как снисходительно эти суды относились к обвиняемым, участие которых в нелегальной деятельности, казалось, было вне сомнений; после революции в ней с торжеством признавались и ею хвастались сами «правонарушители»¹⁰. Создается впечатление, что некоторые оправдательные приговоры сами суды рассматривали как вызов авторитету царского правительства, что они были инспирированы противоправительственной кампанией либеральных кругов и общественных организаций. Во всяком случае, это указывает на глубокое и в общем оправданное недоверие к уликам, исходящим от охранки, о провокаторских приемах которой много говорили, иногда даже сгущая краски.

Про полицейских агентов, работавших в подпольных организациях, можно сказать, что имя им — легион. Меницкий называет около пятидесяти человек, работавших в 1914–1916 гг. только в Москве, другие революционеры называли Москву «городом провокаторов»¹¹. Положение в Петрограде почти не отличалось от московского. Возможно, многие провокаторы и осведомители не были разоблачены потому, что 27 февраля 1917 года полицейское управление разгромили и сожгли.

Как бы то ни было, полковник Мартынов, возглавлявший московскую охранку, был человек решительный и способный. Даже революционеры, прекрасно подготовленные к конспиративной работе, например, Крыленко и г-жа Розмирович, которые летом 1915 года приехали в Москву из Швейцарии под чужими именами, скоро стали жертвами агентов Мартынова. К ноябрю они были в тюрьме. Оба приехали в Россию в качестве эмиссаров Ленина, с которым они поддерживали тесные, хотя и не всегда дружелюбные отношения в Швейцарии¹². Их задача заключалась в том, чтобы оживить московское большевистское подполье. Полиция решила не проводить суда над ними; их просто выслали «в административном порядке»: Розмирович — в Сибирь на пять лет, а Крыленко — в Харьков, где он был мобилизован.

Этим, кстати, и кончилась единственная серьезная попытка Ленина послать во время войны в Россию своих эмиссаров. Пристально следить за событиями в стране он мог только благодаря переписке, особенно с сестрами Марией и Анной, которые тоже состояли под надзором полиции. Создается впечатление, что он вполне сознавал, с какими трудностями приходится сталкиваться большевикам. Советы и инструкции, которые он давал Шляпникову, относились главным образом к совершенствованию техники конспирации, предполагали налаживание тонкой сети подпольных организаций и почти или совсем не имели в виду прямых массовых акций. Ленин был одержим идеей отпора пагубному влиянию оборонцев, полуоборонцев и «примиренцев», главным вдохновителем которых он считал в это время Чхеидзе, главу меньшевистской фракции Думы.

Ленин страстно верил, что война уничтожит существующий режим. Отсюда его призыв к воюющим армиям «превратить империалистическую войну в гражданскую» и повернуть штыки против собственных правительств. Но, несмотря на призыв не обманываться «могильным молчанием Европы» (это было написано в январе 1917 года!) и уверенность, что «Европа беременна революцией», Ленин, создается впечатление, рассчитывал тогда в лучшем случае на вариант 1905 года в одной из европейских стран.

Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции¹³.

Позднейшие попытки большевистских историков заново создать героическое прошлое партии, показать, что она последовательно готовилась возглавить революционное движение в феврале 1917 года, — это просто смесь фанфаронства и лжи. Нельзя сказать, что люди вроде Шляпникова или Молотова не вели отважной и отчаянной борьбы, наталкиваясь на решительные контрдействия со стороны охранки, но утверждать, как говорится в Большой Советской Энциклопедии (первое издание), что «Молотов в 1916 году сумел избежать ареста и принять непосредственное участие в большевистском руководстве революционным движением, подготовившим Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года», — это извращение фактов. Молотов сделал в 1915 году решительную попытку реорганизовать большевистское подполье в Москве, поступив на службу в Союз городов, он был

активным большевистским пропагандистом и организатором среди рабочих Лефортова. В июне 1915 года он был арестован и сослан в Сибирь. По дороге Молотов встретился с несколькими другими большевиками и бежал с ними в европейскую Россию. Весной 1916 года он снова живет на нелегальном положении в Петрограде и активно действует. Молотов, Шляпников и Залуцкий образовали в Петрограде так называемое «русское бюро Центрального Комитета партии большевиков». Этот орган не обнаруживал себя через связи с рабочими и таким образом избежал ареста, даже когда накануне революции были арестованы члены новообразованного петербургского комитета большевиков, которых выдал агент-провокатор Черномазов. Вот почему члены «русского бюро» смогли принять участие в демонстрациях 27 и 28 февраля и в образовании Петроградского Совета.

Однако все это не доказывает, что февральские демонстрации, и особенно солдатские бунты, были запланированы или организованы большевиками. Напротив, имеются все доказательства тому, что большевики не сумели создать организации, которая в тот момент смогла бы спровоцировать массовые демонстрации, есть доказательства, что революции до окончания войны они не ждали, выступление масс, особенно весной 1917 года, считали совершенно нежелательным и боялись провокаций со стороны полиции. Очевидно, события развернулись неожиданно для большевиков. Они решили присоединиться к народному движению лишь после того, как стал очевиден его размах и возможные политические последствия. Но так, в конце концов, поступили все, кто считал, что для старого режима пробил последний его час. Так, после некоторых колебаний, поступил и председатель Думы Родзянко.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

¹ Ив. Меницкий. Революционное движение военных годов. 1914–1917. М., 1925. – См. также некоторые биографии революционеров этого времени в энциклопедии Граната. М., 1910-1938, том XII (41).

² Меницкий, ук. соч., том II, стр. 265.

³ Опубликовано у Меницкого, ук. соч., том I, стр. 145.

⁴ Цитируем текст, перепечатанный в официальном докладе министерства внутренних дел: «Обзор деятельности русской социал-демократической рабочей партии в период с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией до июля 1916 года», стр. 60 и далее. Первоначально опубликован Г. Алексинским в Париже. См.: «Россия и свобода», № III, 1915.

⁵ Составители манифеста, вероятно Плеханов и Чернов, старались не слишком настаивать на точности этого слуха.

⁶ То есть общественные организации во время войны.

⁷ Манифест оборонцев был подписан 10 сентября 1915 года в Женеве. Заметим параллель между идеей конституционных изменений, как главного условия для победы над Германией, и сходными лозунгами, сформулированными в это самое время, накануне съезда Союза земств и городов, в Москве. Заметим также выражение «внутренний» и «внешний» враг в манифесте и в «Диспозиции № 1» таинственного комитета народного спасения, составленной, вероятно, также в сентябре 1915 года; см. гл. 8, § 2.

⁸ Из обзора доклада Беленина (псевдоним Шляпникова) в № 1 журнала «Сборник Социал-Демократа», издавался Лениным и Зиновьевым в Швейцарии, стр. 57.

⁹ Автобиография Шляпникова в энциклопедии Граната, том XII, часть 3, стр. 249.

¹⁰ См., например, суд над так называемой группой «Пресня» (РСДРП). Опубликовано в приложении к книге Меницкого, ук. соч., том II, стр. 274–304.

¹¹ См. списки агентов московской охраны в приложениях к книге Меницкого, ук. соч., том I, II.

¹² Они провели там некоторое время в 1915 году, и Крупская жаловалась на их недисциплинированность. См.: «Ленинский Сборник», том XI, М., 1931.

¹³ Из доклада, прочитанного перед молодыми рабочими 22 января 1917 года. См.: В.И. Ленин. Сочинения (2-е и 3-е издания), том XIX, стр. 357. М.-Л., 1926–1932 и 1928–1937.